

Охота на тени

Роберт Орловский

Роберт Орловский

Охота на тени

«Автор»

2026

Орловский Р.

Охота на тени / Р. Орловский — «Автор», 2026

Новое дело охотника Максима Ветрова превзошло все ожидания. Жестокое убийство в центре Москвы — дело рук Райнера Венского, вампира из первого круга, неуязвимого для серебра и магии. Чтобы остановить его, Ветрову придется отправиться в заброшенные подземелья Новгорода, где спрятано Копье Инквизитора. Вместе с загадочной ведьмой Ларой и молодым аналитиком Артемом он должен опередить Райнера и его армию нежити в гонке за древними артефактами. Но в штабе враг, который знает каждый их шаг, а за спиной могущественного упыря стоит еще более древний и ужасный Отец, пробуждающийся от тысячелетнего сна. Каждая битва может стать последней.

© Орловский Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	15
Глава 5	20
Глава 6.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Роберт Орловский

Охота на тени

Глава 1.

Труп лежал прямо посреди Тверской.

Ну, не совсем посреди. Чуть правее, у входа в старую арку, туда, где днем крутят шаурму, а ночью скапливается густая, как деготь, темнота. Но для такого случая это считалось центральной улицей города. Не по окраинам же ему валяться, в конце концов.

Дождь моросил уже полчаса. Мелкий, противный, ноябрьский — не капли, а какая-то ледяная взвесь, оседающая на воротнике и проникающая за шиворот. Он заливал асфальт, превращал свет фар в мутные, дрожащие разводы и делал мою сигарету мокрой уже на третьей затяжке. Вкуса табака не было, только вода и фильтр.

Вокруг тела уже выставили оцепление. Желтая лента хлопала на ветру, словно пыталась что-то сказать. Полицейские мялись у машин, пряча носы в воротники форменных курток, делали вид, что работают. На самом деле ждали меня. Точнее, ждали того, кого принято вызывать по странным протоколам, которые не подшиваются в обычные папки.

— Ветров, — кивнул капитан Смолин, едва я нырнул под ленту.

Мы с ним пересекались раз в месяц. Чаще ему не хотелось. Мне, впрочем, тоже. Смолин был из тех ментов, кто до пенсии мечтает, чтобы чертовщина обходила его участок стороной, но каждый раз обламывается. У него было серое, плохо выбритое лицо и красные прожилки в глазах — следствие хронического недосыпа и профессионального стресса, смешанного с дешевым виски.

Я кинул мокрый бычок прямо в лужу, и он зашипел, умирая, а сам присел на корточки у трупа.

Парень. Лет двадцать пять, максимум. Одет дорого, но с той безвкусицей, которая кричит о деньгах, не подкрепленных воспитанием. Кожаная куртка-пилот с блестящими клепками, золотая цепь на бычьей шее толщиной с мизинец. Глаза открыты и смотрят прямо в низкое, разбухшее от дождя небо. Лицо искажено такой гримасой животного, всепоглощающего ужаса, что даже мне стало не по себе. Рот перекошен, мышцы сведены судорогой, будто перед смертью он пытался закричать, но звук украли прямо с губ. А я, поверь, видел всякое.

— Что скажешь? — Смолин навис над плечом, стараясь держаться так, чтобы не видеть лица мертвого, но быть в курсе.

— Скажу, что он мертвый, — я медленно выдохнул белый пар.

— Очень смешно, мать твою. Я серьезно.

— Я тоже. Но если хочешь деталей, принеси кофе. Без сахара.

Я не стал дожидаться ответа. Провел раскрытой ладонью над телом, не касаясь кожи. С расстояния в пять сантиметров воздух изменился. Ладонь кольнуло холодом. Не уличным, не ноябрьским — тот был мокрым и пронизывающим. Этот холод был сухим, эманационным. Потусторонним. Такой холод бывает только в одном случае: когда из оболочки выкачали не только жизнь, но и саму ауру, оставив только биохимический мусор. Мои подушечки пальцев слегка онемели.

— Его не ножом, — сказал я, поднимаясь и отряхивая с плаща невидимую грязь. — И не пулей. У него всю кровь выпили. Подчистую. Даже ту, что в капиллярах. Сейчас он суше мумии, просто пока не начал разлагаться и держит форму.

Смолин поморщился так, будто ему под нос сунули протухшую рыбу. Он ненавидел, когда я говорил такие вещи спокойно, буднично, словно это курс физики для седьмого класса. Но каждый раз, скрипя зубами, вызывал именно меня.

— Следов укусов нет, — возразил он с надеждой, цепляясь за рациональное. — Мои ребята все осмотрели, шею в первую очередь.

— А ты хорошо искал?

Я наклонился, аккуратно, двумя пальцами, повернул голову трупа набок. Кожа под пальцами казалась резиновой и неестественно холодной. Под левым ухом, у самой линии роста волос, куда не догадываются смотреть медэксперты-обыватели, виднелись два крошечных прокола. Аккуратные. Почти незаметные. Словно кто-то профессиональной иглой для пирсинга воткнул туда пару спиц и вытянул всё до доньшка. Вокруг ранок кожа была слегка обесцвечена — типичный след антикоагулянта в слюне.

— Упырь работал, — констатировал я, выпрямляясь. — Молодой. Неопытный. Наглый. Поэтому так грубо.

— Почему грубо? — Смолин искренне не понимал. — Все чисто, даже крови нет.

— Потому и грубо, что оставил труп на Тверской.

Я снова полез в карман за сигаретами, хотя понимал, что они уже сырые насквозь.

— Если бы работал профи, мы бы вообще ничего не нашли. Даже запаха. Упыри со стажем умеют убирать за собой так, что позавидует любой чистильщик спецслужб. А этот... этот либо тупой до безобразия, либо специально оставил нам подарочек. Хотел, чтобы его заметили. Бросил вызов или приглашение на казнь.

— Зачем?

— Вот это я и собираюсь выяснить. Если, конечно, ты перестанешь дышать мне в затылок.

В кармане завибрировал телефон. Резкая трель разрезала монотонный шум дождя и вой сирен. Номер был незнакомый, но какая-то интуитивная память заставила меня напрячься еще до того, как я принял вызов. Я отошел на пару шагов в тень арки, подальше от чужих ушей.

— Ветров слушает.

— Привет, Максик.

Голос был сладкий, как патока, и с хрипотцой, как гравий на дне бокала. Такой голос обычно предвещал проблемы. Большие, нелепые и кровавые проблемы. Он звучал одновременно сексуально и угрожающе, как шипение змеи в темной спальне.

— Кто это? — спросил я, хотя в глубине сознания ответ уже замигал красной лампой.

— Ты меня не помнишь? Ай-яй-яй, Максик. Я обиделась. Десять лет назад мы вместе одного разбухшего мертвяка в Люберцах упаковывали. Помнишь, на старом кладбище, где склеп провалился? Ты еще тогда мне обещал перезвонить и пропал.

В голове что-то щелкнуло, собирая пазл из запаха сырой земли, женского смеха и блеска клинка в лунном свете.

— Лара?

— Она самая, — довольно мурлыкнула трубка. — Слушай сюда, Максик, и не перебивай. Ты сейчас на Тверской стоишь, под дождем мокнешь и на трупик смотришь. Правильно?

Я промолчал. По спине прошел тот самый холод. Она знала, где я. Возможно, даже видела меня.

— Не ищи там ничего, — в голосе Лары исчезла игривость, осталась только сталь. — Это не твой уровень. Это вообще за гранью твоего допуска.

— А чей? — я старался говорить ровно.

— Вообще ничей. Забудь про это дело. Скажи своим ментам, что передозировка или сердечный приступ, и вали домой пить чай. С ромашкой. Успокаивает нервы.

— Я не пью чай.

— Жаль. Тогда засунь свое любопытство в задницу и просто уйди. Иначе в этом месяце у Смолина будет два таких трупа. И твой будет выглядеть куда хуже.

В трубке раздались короткие, злые гудки.

Я еще пару секунд стоял, прижимая телефон к уху, хотя там уже молчало. Смолин всё еще топтался рядом, кутаясь в форменную куртку. Он слышал обрывки разговора и теперь смотрел на меня с тем собачьим беспокойством, которое бывает у людей, чувствующих приближение бури.

— Проблемы, Ветров?

— Пока нет, — соврал я, убирая телефон. — Но скоро будут. Всем нам.

Я еще раз взглянул на труп. Двадцать пять лет. Золотая цепь. Кожаная куртка. И два крошечных прокола, за которые уже уцепились чьи-то длинные когти.

Если Лара сказала забыть — значит, я вляпался во что-то серьезное. В то, что пугает даже таких, как она. А Лара была старой, очень старой тварью в теле роковой брюнетки.

А серьезные вещи я забывать не умел.

Дождь усилился, барабания по капотам машин и железным козырькам подъездов. Тверская становилась всё мрачнее, светофоры расплывались в красные лужи на асфальте. Где-то в подворотне завывала сигнализация. А может, и не сигнализация — уж больно надрывным и гортанным был вой.

В этом городе никогда не угадаешь.

Я затушил сигарету о мокрую подошву ботинка, чувствуя, как промозглая сырость пробирается в кости, и пошел к машине. Надо было найти сухое место, подумать и понять, какую именно дверь в ад я сегодня приоткрыл.

Работа только началась.

Глава 2.

Машину я оставил за два квартала от нужного места. Не из конспирации. Просто на Сухаревке вечно не припарковаться. Весь район забит старыми «Мерседесами» с блатными номерами и ржавыми «Газелями», которые, кажется, приросли к бордюрам еще в девяностых. Пришлось втискивать свой неприметный серый седан между мусорными баками и чьим-то мотоциклом, накрытым брезентом.

Дождь кончился. В смысле — перестал падать отвесно. Теперь он просто висел в воздухе противной водяной пылью, оседая на ресницах и заставляя щуриться. Фонари горели через один, и от этого тротуар казался полосатым, как шкура зебры. Тени плясали на кирпичных стенах старых доходных домов, и половина этих теней принадлежала отнюдь не людям. Я научился различать их еще в начале карьеры: у человеческой тени края размытые, живые. У нечисти — острые, как лезвие, даже если источник света колеблется на ветру.

Нужный мне переулок прятался за бывшим гастрономом. В моем детстве здесь продавали «Докторскую» колбасу по талонам, а теперь круглосуточный алкомаркет «Тёмное&Светлое» слепил глаза кислотной вывеской. Но местные по старой памяти называли это место «У Семёныча». Хотя никакого Семёныча там уже лет пятнадцать не было — уехал в Израиль, оставив после себя только прозвище да пару крыс в подсобке.

Зато был другой завсегда. Куда более древний.

Я свернул в арку, прошел мимо переполненных баков, из которых несло прокисшим пивом, и толкнул железную дверь без вывески. Табличка «Закррито» висела на одном гвозде и никогда не переворачивалась. Звякнул колокольчик — старый, бронзовый, с трещинкой, из-за которой звук получался не мелодичным, а каким-то надтреснутым. В нос тут же ударил запах — густая смесь сушеных трав, вековой книжной пыли и старой крови. Последней здесь всегда хватало, и она въелась в деревянные половицы так, что не брал ни один чистящий состав. Даже магический.

За прилавком стоял мужик неопределенного возраста. То ли пятьдесят, то ли пятьсот. Низкорослый, кряжистый, с руками-кувалдами, которые не вязались с его ростом, и бородой, в которой могло затеряться мелкое животное. Гном. Настоящий. Из тех, что еще застали царя Гороха и помнили, как прокладывали подземные ходы под Кремлем.

— Ветров, — пробасил он вместо приветствия.

Голос походил на звук спускаемой воды в старом унитазе — низкий, булькающий, идущий откуда-то из глубин бочкообразной грудной клетки.

— Долго ты шёл.

— Пробки, — я стряхнул влагу с плаща и прикрыл за собой дверь.

— Врут твои пробки. Ты курил у машины минут десять. Я видел в окно. А потом еще пять минут пялился в телефон, как девица на выданье.

Гномы всегда всё знают. Бесит. У них есть какая-то врожденная способность подглядывать, подслушивать и делать правильные выводы. Говорят, это из-за того, что они живут в три раза дольше людей, а времени на наблюдения — вагон.

Его звали Кириш. Или Корш. Я так и не запомнил за пять лет знакомства, потому что он никогда не поправлял. На визитке, которую он однажды мне всучил, было написано просто «Мастер К. Консультации. Артефакты. Редкости». Он держал лавку древностей, которая официально торговала старыми монетами, царскими самоварами и значками Олимпиады-80, а неофициально — запрещенными артефактами, компроматом на всю московскую нечисть и ядами для «специфических целей». Ходячий компромат, опасный и незаменимый.

— Кофе будешь? — спросил он без особого желания, скорее соблюдая ритуал.

— Буду.

— Тогда свари сам. У меня лапы короткие, до турки не дотягиваюсь. Сам виноват, не надо было так высоко вешать полку.

Я прошел за прилавок, чувствуя себя почти как дома. Нашел турку — медную, с оловянным покрытием внутри, — насыпал порошок. Кофе здесь варили исключительно по-восточному. Густой, черный, как нефть, горький, с кардамоном и крошечной щепоткой соли. Единственное, что Кирш делал хорошо и с душой, — закупал правильные зерна у какого-то эфиопского поставщика.

Пока вода закипала, поднимаясь шапкой пены, я разглядывал витрину. Под мутноватым стеклом, на выцветшем бархате лежали клыки упырей (молочные, написано от руки), пара засушенных крыльев ночницы, похожих на обгорелый пергамент, и пузырек с мутной беле-сой жидкостью, напоминающей разбавленное молоко. На ценнике значилось: «Слезы баныши. Натурпродукт. Скидка 30%. Причина скидки: срок годности истекает в 1807 году». Юмор у Кирша был специфический.

— Бизнес идёт? — поинтересовался я, разливая кофе по крошечным чашечкам.

— Идёт, — проворчал Кирш, принимая свою порцию. — Туда идет. Обратного не возвращается. Ты зачем пришел, Ветров? Кофе пить и от дождя прятаться или по делу? Если просто отсидеться — имей совесть, плати за электричество.

— По делу.

— Я так и понял. У тебя на лице написано. Устал ждать, пока ты созреешь для признания.

— И что именно написано?

Кирш прищурился, отхлебнул кофе и, казалось, прочитал меня, как открытую книгу.

— «Я только что видел труп и сейчас влезу в такое дерьмо, из которого не вылезу даже с моими связями».

Я сделал глоток. Горечь обожгла язык, кардамон приятно согрел горло. Хорошо.

— Упырь на Тверской объявился, — сказал я, ставя чашку на блюдце. — Прямо посреди улицы. Как подарок под елку, только до Нового года еще далеко.

Кирш хмыкнул, погладил бороду, в которой, кажется, что-то шевельнулось.

— Молодой?

— Да. Неумеха. Тело бросил на виду, следы не убрал. Кровь выпил всю, до донышка, но проколы замаскировать не догадался.

— Глупый или наглый. Третьего не дано.

— Или его вели, — я посмотрел гному в глаза. — Или это послание.

Кирш задумался на секунду. В лавке повисла тишина, нарушаемая только тиканьем старых часов с кукушкой, которые всегда показывали без четверти три. Он отставил чашку и полез под прилавок, кряхтя и шурша. Вытащил оттуда толстую тетрадь в кожаном переплете, протертом до дыр. Страницы были исписаны мелким бисерным почерком, с вкраплениями схем и рунных вязей на полях.

— Я слышал кое-что, — сказал он, листая и облизывая палец. — Дня три назад. Может, четыре. Точное время гномы не фиксируют, нам без надобности. В город зашел кто-то новый. Не местный. Все наши, московские, на учёте стоят, я тебе ответственно заявляю. Своих я знаю наперечёт, от выводка Сабуровых до одинокой твари из Марьиной Рощи, которая по подвалам жметя. А этот — пришлый. Не знаю откуда, но слухи ходят скверные. Даже мои информаторы нервничают, а они, поверь, видели всякое.

— Какие именно? — я подался вперед, облокотившись на прилавок.

Кирш оторвался от тетради, захлопнул ее и посмотрел на меня маленькими глазками-бусинками цвета болотной тины. В них не было страха, но было что-то, отдаленно напоминающее тревогу. А тревога гнома — это диагноз всему городу.

— Говорят, он один из Старых. Не молодняк, не обращенный в прошлом веке. Один из тех, кто помнит времена до Романовых.

Я аккуратно, чтобы не расплескать, поставил чашку на прилавок. Кофе вдруг показался кислым и холодным, хотя был только что из турки.

— Старые в Москву не суются, — произнес я медленно, словно сам себя убеждал. — У них договор с Инквизицией. Еще с девяносто восьмого, после той бойни на Павелецкой.

— Значит, договор кто-то нарушил. Или решил, что он больше не действует.

— Старые не нарушают договоров. Они педантичны до тошноты. Для них слово — это магия в чистом виде.

— Тогда этот нарушил. Конкретно этот экземпляр. Может, изгой. Может, бешеный. Может, у него свои резоны, о которых мы не знаем.

Я замолчал, переваривая услышанное. Если в городе действительно появился Старый упырь — не рядовой кровосос, не обращенный шестерка, а настоящий Старый, из Первого Круга, — то труп на Тверской был не преступлением и не несчастным случаем. Он был объявлением. Манифестом. Заявкой на новую охотничью территорию. Приглашением к разговору на языке, который понимают все посвященные: «Смотрите, что я могу, и это только начало».

Мой телефон снова завибрировал, разорвав тишину лавки. На этот раз не звонок — сообщение. Без подписи, с незнакомого номера, который даже не определялся по базе. На экране высветилось всего несколько строк, но их хватило, чтобы воздух в комнате стал тяжелее:

«Двадцатый километр МКАД. Старая бойня. Приходи один. Если не придешь — завтра будет еще один труп. И это будет не ночью. Это будет в полдень, на Красной площади».

Я молча показал экран Киршу. Тот прочитал, пошевелил губами, словно пробуя слова на вкус, и пожевал бороду — верный признак крайней степени задумчивости.

— Пойдешь?

— Конечно.

— Дурак.

— Знаю, — я допил остывший кофе одним глотком, бросил на прилавок смятую купюру и двинулся к выходу. Железная дверь холодила пальцы.

У двери обернулся. Кирш смотрел на меня исподлобья, скрестив короткие руки на груди.

— Если не вернусь...

— Я в твоей квартире не прибираю, — перебил он грубовато, но в голосе скользнула едва уловимая хрипотца. — У меня лапы короткие для твоих антресолей. Да и ключа нет.

— Я просто хотел сказать: забери кофеварку. Она хорошая. Жалко, если пропадет.

Гном кивнул — коротко, по-деловому. Без сантиментов.

Я вышел в переулок и плотно прикрыл за собой дверь. Колокольчик звякнул последний раз. Дождь снова зарядил — теперь уже не морось, а настоящие косые струи, которые барабанили по карнизам и текли за шиворот. Над городом собирались тучи — темные, низкие, неестественно плотные, как будто кто-то накрыл Москву крышкой от гроба, придавив сверху свинцовым небом.

Старая бойня. Двадцатый километр. Один.

Звучало как приговор. Но идти все равно надо.

Я завел машину. Дворники заметались по стеклу, размазывая грязь. Фары выхватили из темноты струи дождя и чей-то силуэт в арке, который тут же исчез, стоило моргнуть.

Я выехал в ночь. Впереди горели огни МКАДа, похожие на ожерелье на шее мертвеца.

Глава 3.

Старая бойня встретила меня тишиной. Не спокойной, не умиротворенной, а той особенной, ватной тишиной, какая бывает только в местах, пропитанных чужой смертью.

Когда-то здесь резали скот. Сотни, тысячи голов в день — быки, свиньи, овцы. Их мычание, визг и хрипы въелись в эти кирпичные стены, кажется, на молекулярном уровне. Потом Союз развалился, бойню закрыли за нерентабельностью, и место начало гнить. Медленно, неотвратно. Кирпичные корпуса рассыпались, как гнилые зубы. Окна выбили — сначала бомжи, потом ветер, потом само время. Стены покрылись слоями граффити — от корявых «здесь был Вася» до вполне сносных рисунков, изображающих оскаленные черепа. Местные обходили бойню стороной, причем инстинктивно, даже не зная истории. Даже бомжи здесь не ночевали, предпочитая теплотрассы и вентиляционные шахты. Инстинкт самосохранения — штука сильная. Даже у тех, кто пропивает последние мозги вместе с литром «Боярышника».

Я остановил машину у ворот. Фары выхватили из темноты ржавые железные створки, покосившиеся и разбухшие от влаги. Они были приоткрыты ровно настолько, чтобы человек мог протиснуться боком. Сантиметров сорок, не больше. Приглашение. Или ловушка. В нашем деле это, как правило, синонимы.

Из бардачка я достал ствол. Обычный «Макаров», выдавший виды — рукоять потерта, воронение местами сошло, но механика работала как часы. Никакой магии. Зато серебряные пули в обойме были самыми настоящими — освященные по полному чину в Храме на Берсеневке, с вкраплениями соли Мертвого моря и чесночной вытяжки. Против молодых упырей — самое то. Против Старых... ну, хотя бы не как дробинки для слона. Хотя бы отвлечет.

Я вышел из машины. Под ногами захрустел гравий вперемешку с битым стеклом. Звук разносился по пустырю неестественно громко, отражался от стен разрушенных цехов и возвращался обратно искаженным эхом.

Фонарь на единственном уцелевшем столбе мигал. Раз. Два. Три. Потом гас на пару секунд и снова загорался. В рваном свете мелькнула чья-то тень. Высокая, неестественно прямая фигура стояла в проеме дальнего цеха — черный силуэт на фоне черного провала. Неподвижная, как статуя.

Я пошел вперед. Шаг. Еще шаг. Камешки хрустели под подошвами в ритме пульса. Воздух здесь был тяжелый, спертый, с характерным запахом старой крови и мокрого кирпича. К этому примешивалось что-то еще — сладковатое, приторное, тошнотворное. Так пахнут разлагающиеся тела, когда процесс уже пошел, но еще не достиг пика. Я знал этот запах слишком хорошо, чтобы ошибиться.

Фигура не двигалась. Только ветер шевелил полы длинного пальто.

— Ты пришел, — раздался голос из темноты. Глубокий, спокойный, почти ласковый. С таким тембром хорошо читать вслух классическую литературу или уговаривать жертву не сопротивляться.

— Ты меня позвал, — я старался говорить ровно, хотя сердце уже отбивало дробь где-то в горле.

Человек шагнул на свет. Или не человек.

Высокий — на голову выше меня, а я не маленький. Мужчина в идеально сидящем черном пальто из дорогой шерсти, явно сшитом на заказ. Белая рубашка без галстука, верхняя пуговица расстегнута небрежно, но продуманно. Лицо бледное до голубизны, аристократическое, с тонкими чертами, которые словно сошли с портрета кисти старых фламандцев. Длинные светлые волосы собраны в низкий хвост. Ему можно было дать лет тридцать пять. Или триста пятьдесят — если знать, куда смотреть. А я знал. Вокруг него воздух едва заметно подрагивал, как над раскаленным асфальтом в июльский полдень, хотя температура вокруг была плюс три.

— Мое имя Райнер, — сказал он, чуть наклонив голову в издевательски-вежливом поклоне. — Я знаю, кто ты, Максим Ветров. Я много о тебе слышал. Еще из Вены доносились слухи. Там твоё имя знают.

— Взаимно, — соврал я, не моргнув глазом.

— Врешь, — его губы дрогнули в полуулыбке. — Ты обо мне не слышал ничего, и это очевидно. Иначе ты бы не пришел один. Я приехал в ваш город четыре дня назад. До этого жил в Вене. Знаешь Вену? Прекрасный город. Чистый, ухоженный, предсказуемый. Но там стало скучно. Слишком много правил, слишком много надзора. Там даже Старым приходится соблюдать этикет.

— А Москва, значит, повеселее.

Райнер улыбнулся шире. Улыбка вышла неприятная. Слишком много зубов. И все — ровные, белые, хищные.

— Москва — прекрасный город. Огромный. Хаотичный. Дерзкий. В нем двенадцать миллионов душ, и каждый день прибывают новые. Никто никого не знает, никто никого не ищет. В Вене мне приходилось охотиться осторожно, заметать следы, договариваться с местными кланами. Здесь же... — он развел руками, словно показывая невидимые богатства, — здесь можно не сдерживаться. Ваш город — это шведский стол, Максим Ветров. Только блюда сами ходят по улицам.

— Труп на Тверской — твоя работа?

— Моя, — он сказал это с той же интонацией, с какой художник признает свое полотно. — Пробный шар. Я хотел посмотреть, кто придет. Пришли твои менты, пришел ты. Это хорошо. Это значит, что в городе еще остались те, кто понимает правила игры. Я боялся, что Москва совсем одичала за последние сто лет.

— Ты убил человека, Райнер. Парня двадцати пяти лет. Человек — это не пробный шар.

— Человек — это еда, — он произнес это без злобы, скорее с легким недоумением, как объясняют прописную истину ребенку. — Или ты думаешь иначе? Ты сам ешь мясо. Ты носишь кожу. Чем я отличаюсь от тебя, кроме того, что нахожусь на вершине пищевой цепи, а ты — нет?

Я снял пистолет с предохранителя. Щелчок разнесся по пустому цеху гулким, металлическим эхом. Райнер даже не вздрогнул.

— Я думаю, что тебе стоит уехать обратно в Вену. Сегодня же.

Он посмотрел на пистолет так, как смотрят на детскую игрушку. С вежливым любопытством и тенью снисхождения.

— Ты действительно веришь, что серебро меня остановит? Я слышал звон этих пуль в твоём кармане за десять метров. Они звенят иначе, чем свинец. Выше тоном.

— Я верю, что боль останавливает всех.

— Боль — да, — он кивнул, словно оценил аргумент. — Тут ты прав. Но Старые умеют ее терпеть. Мы терпели ее веками. Горели на кострах — и восставали. Тонули в болотах — и выбирались. Нас резали серебром, топили в святой воде, закапывали в освященную землю. И мы все еще здесь. А твои коллеги — уже нет.

Он сделал шаг вперед. Камешки под его дорогими туфлями даже не хрустнули — он двигался с неестественной, текучей плавностью. Я не отступил. Еще шаг. Теперь нас разделяло метра три, и я чувствовал исходящий от него холод — сухой, могильный, пробирающий до костей через плащ и свитер.

— Я предлагаю сделку, Максим Ветров, — произнес Райнер почти интимным тоном. — Простую и элегантную. Я не трону тебя и твоих людей. Тех, кто тебе дорог. Я буду охотиться тихо. Раз в месяц, не больше. Бродяги, беглецы, нелегалы — те, кого никто не хватится. Никто не заметит. А ты закроешь глаза. Перестанешь меня искать. И мы разойдемся, как цивилизованные существа.

— Ты предлагаешь мне соучастие в убийствах. Ежемесячных.

— Я предлагаю тебе жизнь. И жизнь тех, кто тебе дорог. Взамен на молчание. По-моему, справедливый обмен.

В цеху стало тихо. Так тихо, что я слышал, как капли дождя барабанили по ржавой крыше где-то высоко над головой, как гудит ветер в разбитых окнах, как где-то далеко, на МКАДе, проносится одинокая фура. Тишина была плотной, как вода на глубине. Она давила на уши.

Я поднял пистолет. Двумя руками, как учили. Прицелился точно в лоб — в ту точку, где у нормальных людей сходятся брови. Райнер смотрел на меня не мигая. В его глазах не было страха. Только холодное любопытство и что-то похожее на разочарование.

— Знаешь, что я тебе отвечу? — спросил я. Палец лег на спусковой крючок.

— Догадываюсь. Но все равно разочарован.

Я выстрелил.

Грохот ударил по ушам, заметался между бетонных стен, испугав стаю голубей где-то под потолком. Пуля вошла ему точно между глаз — идеальное попадание. Голова Райнера дернулась назад, тело отбросило на спину. Он рухнул на бетонный пол с глухим стуком, ударился затылком и замер в неестественной позе. Дымок от выстрела еще висел в воздухе, пахло порохом и серебром.

Тишина. Секунда. Две. Пять.

Сердце колотилось где-то в горле. Руки не дрожали — адреналин пока держал. Я стоял, не опуская пистолета, и смотрел на тело.

А потом он рассмеялся.

Смех был тихий, клокочущий, идущий будто из глубины колодца. Райнер поднялся. Медленно, плавно, как будто у него не было костей и позвоночника — одно сплошное движение, текучее и жуткое. Пулевое отверстие во лбу затягивалось прямо на глазах: серая, мертвая кожа сходилась, срасталась, словно глина под пальцами невидимого скульптора. Через десять секунд на лбу не осталось ни следа. Только капля крови скатилась по переносице, и он смахнул ее кончиком пальца — небрежно, как смахивают крошку со скатерти.

— Больно, — признал он с усмешкой, разглядывая кровь на пальце. — Честно говорю — больно. Ты молодец. Давно меня так не ранили. Но недостаточно.

Он дернул плечом — легкое, почти ленивое движение, — и мир вокруг меня взорвался болью.

Невидимая сила подхватила меня, как тряпичную куклу, и швырнула в стену. Спина встретилась с кирпичной кладкой с таким звуком, будто треснуло что-то внутри. Из легких выбило весь воздух, перед глазами заплясали искры, а рот наполнился медным привкусом крови. Пистолет отлетел куда-то в темноту, звякнув о бетон где-то слева. Я сполз по стене, пытаюсь вдохнуть и не теряя сознания.

Райнер подошел ближе. Неспешно, засунув руки в карманы пальто. Наклонился над мной — теперь его бледное лицо было прямо перед моим, так близко, что я чувствовал исходящий от него холод и запах. От него пахло старыми книгами, сырой землей и чем-то пряным — как из аптекарского шкафа.

— Я мог бы убить тебя сейчас, — прошептал он доверительно, почти нежно. — Осушить до дна, как того мальчика на Тверской. Но это было бы скучно. А я ненавижу скуку, поэтому и уехал из Вены. Ты ещегодишься. Ты будешь моим посланием этому городу. Живым посланием. Живые свидетели куда эффективнее мертвых.

Он провел длинным, неестественно холодным пальцем по моей щеке. Кожа в месте прикосновения онемела, как после укола новокаина.

— Беги, Максим Ветров. Беги в свой город и всем расскажи, что ты видел сегодня. Пусть знают все — и твои менты, и твои гномы в пыльных лавках, и даже те твари, что прячутся в

подвалах. Пусть знают: Старая кровь вернулась в Москву. И охота только начинается. Передай им, что Райнер Венский объявляет сезон открытым.

Он выпрямился, одернул лацканы пальто, поправил волосы — с тем же спокойствием, с каким поправляют галстук перед зеркалом. А потом исчез. Просто растаял в воздухе, как утренний туман, как не было. Только холод остался — и запах старых книг.

Я остался сидеть у стены, привалившись спиной к холодным кирпичам. В боку саднило — кажется, треснуло ребро. В голове шумело так, будто там включили промышленную центрифугу. Во рту стоял вкус крови — моей собственной. Я сплюнул на бетон. Темное пятно растеклось по цементной крошке.

Пистолет нашелся в трех метрах левее, под куском арматуры. Я подполз, подобрал его, проверил обойму — семь патронов осталось. Спрятал в кобуру. Руки дрожали, пальцы не слушались. Шок понемногу отступал, уступая место глухой, тяжелой злости.

В кармане завибрировал телефон. Я глянул на экран — снова Лара. Как она это делает? Я не хотел знать.

— Живой? — спросила она без предисловий. Голос был все такой же сладкий, но теперь в нем слышалось что-то похожее на беспокойство.

— Живой.

— Дурак. Я же говорила: не лезь.

— Говорила.

— И что теперь?

Я поднялся, держась за стену. Каждое движение отдавалось болью в боку. Посмотрел на место, где только что стоял Райнер. Там не было ничего — только бетонный пол и эхо его смеха, застрявшее где-то под потолком.

— Теперь будем его валить.

В трубке помолчали. Я слышал, как Лара медленно выдохнула — не то с облегчением, не то с досадой. Потом хмыкнула, и в ее голосе появилась знакомая ирония:

— Кофе будешь? У меня есть план. И он тебе не понравится.

— Я не пью кофе. Уже сто раз говорил.

— А придется. Я жду тебя через час. Адрес скину сообщением. И, Ветров...

— Что?

— Прими обезболивающее перед выходом. Разговор будет долгий.

Короткие гудки.

Я сунул телефон в карман и, хромая, побрел к машине. За спиной Старая бойня молчала, но теперь в ее тишине мне чудился смех — тихий, далекий, издевательский.

Ночь только начиналась. И она обещала быть очень, очень длинной.

Глава 4.

Лара жила в Хамовниках.

Только не в тех Хамовниках, про которые пишут в глянцевого журналах — с элитными жилыми комплексами из стекла и бетона, фитнес-клубами за триста тысяч в месяц и швейцарами в золоченых ливреях. В старых Хамовниках. Той части района, что чудом уцелела под натиском риелторов и девелоперов. Здесь еще стояли доходные дома начала прошлого века — темно-красный кирпич, облупившаяся лепнина в виде осыпавшихся амуров, узкие оконные бойницы и запах вековой сырости из подвалов, который не брал ни один осушитель воздуха.

Я припарковался у помойки, перегородив выезд чьему-то «Порше» с блатными номерами, и вошел в парадное. Внутри пахло кошками, мокрой штукатуркой и жареным луком с третьего этажа. Ее квартира находилась на четвертом. Лифта, разумеется, не было — в таких домах лифты не предусматривались проектом, а новые жильцы были не в состоянии их установить. Я поднимался пешком, держась за чугунные перила, стертые до блеска поколениями ладоней, и проклиная собственный возраст, образ жизни и вчерашнюю встречу с бетонной стеной. После знакомства с Райнером каждая ступенька отдавалась тупой болью в спине и прострелом в боку. Ребро, кажется, все-таки треснуло.

Дверь открылась до того, как я поднес палец к звонку. Старая, массивная, обитая дерматином, с тремя замками и глазком на уровне моего лба. Она распахнулась бесшумно, хотя петли должны были скрипеть как минимум со времен Брежнева.

— Заходи, Максик. Не топчись на пороге, сквозняк.

Голос был тот же — сладкий, как малиновый сироп, с фирменной хрипотцой заядлой курильщицы. Казалось, его обладательница только что выпила рюмку хорошего коньяка и выкурила полпачки сигарет без фильтра.

Я шагнул внутрь. Прихожая была заставлена книжными стеллажами до потолка. Книги громоздились повсюду — на полках, на полу, на старом венском стуле, который явно не использовался по назначению лет двадцать. Пахло типографской краской, пылью, сухими травами и чем-то еще — сладковатым, аптекарским, с едва уловимой ноткой гниющей плоти. Последний запах доносился из аквариума в углу гостиной, и я, наученный горьким опытом, предпочел в ту сторону даже не смотреть.

Лара сидела на кухне. Маленькая, сухая, с копной рыжих, неестественно ярких волос, собранных в небрежный пучок на затылке и заколотых чем-то похожим на вязальную спицу. На вид — лет сорок пять, может, чуть больше. Ухоженная, но без фанатизма. В простом домашнем платье и шерстяных носках крупной вязки. Но на самом деле ей было сильно за семьдесят — я знал точно, потому что однажды имел доступ к ее досье. А выглядела она так же, как десять лет назад, когда мы вместе запечатывали разбухшего мертвяка в Люберецком склепе. Ни морщинки лишней, ни седого волоса.

— Что-то эльфийское в крови, — пошутила она однажды, подмигнув. Но я знал, что никакие эльфы тут ни при чем. Просто Лара умела договариваться с силами, которые давали ей лишние годы жизни. С какими именно — она не уточняла, а я не спрашивал. В нашем мире такие вопросы считаются дурным тоном. И никто никогда не интересовался, какую цену она за это платила. Но что цена была — сомнений не возникало.

— Садись, — она кивнула на табурет, стоящий у окна так, чтобы держать в поле зрения и входную дверь, и кухонную арку. Профессиональная паранойя. — Кофе готов. Сварила, пока ты по лестнице ковылял. Слышала твои стоны за два пролета.

— Ты говорила, у тебя есть план, — я опустил на табурет, стараясь не застонать от боли в ребрах.

— План подождет. Сначала кофе. Я ради тебя, между прочим, достала зерна из личных запасов. Не то пошло, что ты у гнома хлещешь.

Я сел за стол. Маленькая кухня тонула в густом, желтоватом полумраке. Горела только лампа над плитой — старый советский плафон с дохлыми мухами внутри. На подоконнике сушились пучки трав, перевязанные суровой ниткой: шалфей, полынь, зверобой, еще что-то с темно-фиолетовыми соцветиями, названия которого я не знал. В углу стоял тот самый аквариум, подсвеченный мертвенно-голубым светом. Вместо рыбок там плавало что-то белесое, студенистое и пульсирующее, размером с человеческий кулак. Оно ритмично сокращалось и, кажется, росло. Я предпочел не вглядываться. В прошлый раз, когда я спросил Лару про содержимое аквариума, она ответила «это мой пенсионный фонд», и я понял, что дальнейшие расспросы опасны для психики.

Лара поставила передо мной чашку — тонкий фарфор с золотым ободком, явно антикварный. Кофе был черный как смоль, без сахара. Как надо.

— Ты его видел, — сказала она не вопрос, а утверждение, усаживаясь напротив с собственной чашкой.

— Видел.

— И?

— И чуть не сдох, — я отхлебнул кофе. Он обжигал и горчил ровно в той пропорции, которая возвращает к жизни. — Он меня впечатал в стену одним движением плеча. Я даже не успел понять, что произошло.

— Это заметно. У тебя фингал на пол-лица, и ты сидишь как человек, у которого переломаны все ребра.

Я машинально потрогал скулу. Она распухла, кожа натянулась и ныла тупой, горячей болью. До этого момента я даже не замечал — адреналин и злость работали как анестезия. Теперь, в тепле и относительной безопасности, боль возвращалась полным спектром.

— Райнер, — произнесла Лара, пробуя имя на вкус, словно дорогое вино. — Райнер Венский. Даже имя звучит как название болезни. Старая кровь. Очень старая. Ему минимум четыре века. Может, пять. Точнее не скажу, я по упырям не специалист.

— А кто специалист? — я оторвался от чашки.

— Был один. В Новгороде. Хороший мужик, грамотный. Вел реестр Старых по всей Восточной Европе. Но его съели пару лет назад

— Съели?

— Работа такая, — Лара пожала плечами, как будто речь шла о банальном производственном травматизме. — Он сунулся в гнездо без прикрытия, хотел взять образец крови для диссертации. Ну и взял. Только не он образец, а с него образец.

Она закурила. Сигарета была тонкая, дамская, ментоловая, но дымилась как полноценный паровоз. Лара затянулась глубоко, по-мужски, и выпустила струйку дыма в потолок, где уже висело сизое облако.

— Я знала, что он в городе, — продолжила она, глядя в темноту за окном. — Еще неделю назад. Даже чуть раньше. Он прислал весточку. Официальную, через старые каналы. Знаешь, как это делается? Пергамент, сургучная печать, все дела. Ему нужна была встреча с руководством Инквизиции. Наши отказали.

— Почему?

— Потому что Старые не имеют права находиться в Москве без предварительного разрешения Совета. Таков Договор девяносто восьмого, подписанный кровью. Он приехал без разрешения, никого не предупредив. Значит, он вне закона. Формально.

— Тогда почему Инквизиция его не валит? — я поставил чашку на блюдце. — Они же могут. У них есть оперативники, есть арсеналы, есть лицензия на уничтожение.

Лара выпустила еще одну струйку дыма — длинную, тонкую, как змея.

— Хороший вопрос, Максик. Очень хороший. Я думаю, они боятся.

— Инквизиция? Боятся?

Я не мог скрыть изумления. Инквизиция была главной силой в российском теневом мире. Орден Святого Креста, основанный еще при Петре, реформированный при Екатерине и переживший Советскую власть в глубоком подполье. Они держали нечисть в узде больше трехсот лет. У них было оружие, способное стирать в пыль целые гнезда, лучшие оперативники, архивы с информацией на каждую тварь в стране и ресурсы, сравнимые с бюджетом небольшого министерства. Они не боялись никого. До этого момента.

— Райнер — не просто Старый, — сказала Лара, понизив голос, хотя нас никто не мог услышать. — Он из Первого Круга. Ты понимаешь, что это значит?

Я промолчал. Но я понимал. Слишком хорошо понимал.

Отец Упырей — это не легенда и не страшилка для новичков. Это существо, которое старше большинства человеческих цивилизаций. Оно не умирает. Оно не говорит. Оно не выходит на контакт. Оно просто существует где-то в Карпатах, в пещерах под старыми замками, и создает себе подобных. Первый Круг — это его прямые «дети». Те, кого он обратил лично. Их можно пересчитать по пальцам, и каждый из них — ходячая катастрофа. Их не берет ни серебро, ни осина, ни освященная сталь. Обычные пули для них — как комариные укусы. Чтобы убить такого, нужен либо ядерный взрыв, либо магия такого уровня, до которого человечеству еще расти и расти. Либо...

— Есть легенда, — произнес я медленно, — что Первый Круг можно убить кровью их же создателя. Кровью Отца.

— Не легенда, — отрезала Лара. — Факт. Но ты представляешь, где взять кровь Отца Упырей? Это как попросить у господина бога анализа мочи.

Я замолчал. Тишина в кухне стала густой и вязкой.

— И что ему нужно? — спросил я наконец. — Если он такой могущественный, зачем ему Москва? Сидел бы в своей Вене, охотился на туристов.

— В том-то и дело, что никто не знает. Он убил человека на Тверской — демонстративно, нагло, как будто дразнил. Не прятал тело, не заметал следы. Потом пригласил тебя на бойню — и не убил. Хотя мог. Почему?

— Сказал, что я буду посланием. Живым посланием городу.

— Посланием кому? Ментам? Мне? Инквизиции?

— Всем.

Лара затушила сигарету в массивной хрустальной пепельнице и тут же, чиркнув спичкой, закурила новую. Это говорило о нервах. Очень плохой знак. За десять лет я ни разу не видел, чтобы она курила две подряд.

— Я думаю, он хочет войну, — сказала она наконец, глядя на огонек сигареты. — Настоящую. Открытую. Таковую, какой не было со времен подписания Договора. Он хочет показать всем — и нашим, и западным, — что Старая кровь сильнее любых бумажек. Что люди — это просто корм, который на минуту возомнил себя хозяином планеты. И что Инквизиция ничего не может с этим поделать. А Москва — идеальная сцена для такого спектакля. Двенадцать миллионов зрителей.

— И мы с тобой вдвоем должны его остановить? — я невесело усмехнулся. — Женщина за семьдесят и мужик с треснутым ребром?

— Почему вдвоем? — Лара наконец улыбнулась, и в полумраке кухни ее лицо выглядело почти ведьминским — с острыми скулами, горящими глазами и тенями в морщинах. — У меня есть связи. Старые, еще с советских времен, когда этот бардак только начинался. У тебя есть ствол с серебряными пулями, злость на этого урода и допуск к полицейским базам. Уже неплохо. А там подтянем остальных.

Я допил кофе. На дне чашки остался густой осадок — черный, маслянистый, похожий на запекающуюся кровь. Лара перехватила мой взгляд и усмехнулась.

— Не гадаю, — сказала она. — Это просто кофе. Хотя... хочешь, погадаю?

— Нет. Я не верю в гадания.

— А зря. Иногда гуща знает больше, чем все наши аналитики. Но ладно, дело твое.

— Что ты предлагаешь? — я отодвинул чашку.

Лара затушила вторую сигарету, сложила руки на столе и подалась вперед. Теперь она говорила тихо, деловито, без обычной иронии.

— Для начала — узнать, кто ему помогает.

— А ему кто-то помогает?

— Конечно, — она посмотрела на меня как на наивного ребенка. — Упыри не действуют в одиночку, Максик. Тем более в чужом городе. У него есть гнездо. Молодые, которые перед ним пресмыкаются в обмен на покровительство и крохи силы. Ему нужны доноры, нужны информаторы, нужны те, кто будет убирать за ним. И, скорее всего, у него есть кто-то из местных, кто открыл ему дорогу. Кто-то из наших. Кто-то влиятельный. Без этого он бы не смог так спокойно разгуливать по Москве.

— Думаешь, в Инквизиции предатель?

— Я думаю, что предатели есть везде, — Лара поджала губы. — Особенно когда на кону стоит вечная жизнь. А Райнер умеет быть убедительным. Ты сам видел. Он предлагает людям то, от чего невозможно отказаться. Бессмертие. Силу. Защиту от всего, включая саму Инквизицию. Найдутся желающие.

Я вспомнил его улыбку. Слишком много зубов. Слишком гладкие слова.

— Хорошо, — сказал я. — Ищем гнездо. Где?

— Ты знаешь, где тусить молодым упырям в Москве? Я имею в виду — сейчас, а не десять лет назад.

— Догадываюсь. Есть пара мест. Клуб в Замоскворечье, подвалы на Таганке, еще одно заведение у Павелецкого вокзала — туда нормальные люди не суются.

— Вот и славно. Завтра ночью устроим рейд. Прогуляемся, навестим молодежь, зададим пару вежливых вопросов. А пока...

Лара встала, потянулась — суставы хрустнули — и подошла к старому, облупленному буфету. Достала бутылку армянского коньяка и два пузатых стакана на толстой ножке.

— У тебя стресс, у меня стресс. Ты чуть не умер, я чуть не поседела, хотя мне это не грозит. Давай по пятьдесят грамм для храбрости. А потом спать. Завтра будет тяжелый день.

Она разлила коньяк щедрой рукой. Мы выпили молча, не чокаясь. За упокой. За тех, кто еще жив, но, возможно, ненадолго. Коньяк провалился в желудок горячей волной, на секунду притупив боль в ребрах и тревогу где-то под диафрагмой.

— Лара, — спросил я, ставя стакан. — Почему ты мне помогаешь? Десять лет не виделись, а ты звонишь первая, приглашаешь в дом, поишь кофе, строишь планы. В чем твой интерес?

Она помолчала. Потом улыбнулась — но уже иначе, без ведьминского огонька. Устало, почти по-человечески.

— Потому что, Максик, если Райнер начнет войну, первой сгорит именно я. У меня в подвале лаборатория, которую не спрячешь. У меня в аквариуме растет то, что упыри мечтают заполучить уже лет двести. Я не могу уехать — слишком много дел в Москве. Так что у меня нет выбора. Я помогаю тебе, чтобы спасти свою шкуру. Устраивает такой ответ?

— Вполне.

— Вот и договорились. А теперь иди. Я постелю тебе в гостиной, диван старый, но мягкий. Кот только там спит, но ты его не бойся — он не кусается. Почти.

Я встал, чувствуя, как ноет каждая косточка. В гостиной действительно спал кот — огромный, черный, одноглазый. Он посмотрел на меня с таким выражением, будто я был должен ему денег, и подвинулся ровно на сантиметр.

Я лег, уставился в потолок. Там, на лепном медальоне, была нарисована выцветшая фреска — ангел с мечом, поражающий змея. Или наоборот. В темноте не разберешь.

Завтра ночью мы идем в гнездо. Завтра начнется настоящая охота.

А пока — спать. Если получится.

Глава 5

На следующий день я проснулся в своей квартире. В своей собственной, холостяцкой, с вечно подтекающим краном на кухне и обоями, которые помнили еще генсека Черненко.

Солнце било в окно — наглое, яркое, неуместно жизнерадостное. Оно заливало комнату светом так, будто ничего не случилось. Будто в городе не объявился бессмертный монстр из Первого Круга. Будто вчера меня не впечатали в стену старой бойни с такой силой, что кирпичи до сих пор, наверное, хранили отпечаток моего позвоночника. Обычное московское утро. Только ребра болели, а на скуле расцвел синяк размером с приличную сливу.

Я сходил в душ. Горячая вода немного разогнала боль, но не разогнала мысли. Райнер. Первый Круг. Гнездо. Предатель в Инквизиции. Слишком много вводных для человека, который еще даже не завтракал.

На кухне я выпил растворимый кофе — дорогой, между прочим, не какая-нибудь дешевая бурда, а японский сублимированный, который мне привозили на заказ. Вкуса все равно никакого, но кофеин делает свое дело. Потом проверил пистолет. Разобрал, протер, смазал, собрал обратно. Серебряные пули были на месте — девять штук в обойме, плюс одна в патроннике. Я добавил в магазин пару заговоренных — с рунной гравировкой по ободку. Лара подогнала полгода назад в обмен на одну услугу, о которой я предпочитал не вспоминать. Я тогда еще не знал, что они пригодятся так скоро. Знал бы — попросил бы побольше.

Телефон пискнул. Сообщение от Лары — короткое, как и все ее послания:

«Клуб «Трансильвания». Сегодня в 23:00. Будь в костюме. Не позорь меня перед аборигенами».

В костюме. Значит, придется выглядеть прилично. Терпеть не могу галстуки.

«Трансильвания» была местной легендой. Элитный ночной клуб на Таганке, вписанный в старый особняк начала девятнадцатого века, куда простых смертных не пускали под страхом амнезии. Вход только по приглашениям или по крови. В прямом смысле — на двери висела панель для генетического анализа. Там тусовалась вся нечисть Москвы, которая могла себе позволить выглядеть респектабельно: молодые вампиры из новообращенных, упыри-полукровки с претензией на аристократизм, пара-тройка столичных оборотней в человеческой форме и прочая публика, которой не сиделось дома в своих подвалах и склепах. Формально клуб был нейтральной территорией — этот статус поддерживался Советом Старейшин города. Никаких драк, никакой охоты, никакой магии выше второго уровня. Нарушителей выкидывали на улицу. В прямом смысле — из окон второго этажа, не утруждая себя открыванием створок.

Но главное — там можно было найти информацию. О гнездах. О приезжих. О Райнере. О том, кто из местных воротил решил предать своих и открыть дорогу Старому. В теновом мире Москвы слухи распространялись быстрее, чем вирус гриппа в метро. Нужно было только знать, у кого спрашивать.

Весь день я потратил на подготовку. Проверил снаряжение, перебрал арсенал, освежил в памяти план Таганки — старые дворы, проходные подъезды, подземные ходы, о которых не знают даже городские власти. Если придется уходить быстро, карта маршрутов отхода в голове стоит дороже серебряных пуль.

Вечером я надел черный костюм, купленный когда-то для похорон коллеги и с тех пор пылившийся в шкафу. Белая рубашка, темно-серый галстук без блеска. Запонки с крошечными вкраплениями серебра — не украшение, а страховка. Пистолет спрятал во внутренний карман пиджака, в специальновшитую кобуру. В зеркале прихожей отразился уставший мужик лет тридцати пяти, с фингалом на пол-лица, колючей щетиной на челюсти и взглядом, который ничего хорошего не обещал никому. Даже самому себе.

— Красавец, — сказал я отражению. Отражение не ответило.

Лара ждала у входа в клуб. Она стояла под козырьком старого особняка, прячась от моросящего дождя, и курила свою неизменную тонкую сигарету. На ней было черное платье в пол — строгое, облегающее, с высоким воротником-стойкой. Поверх платья — массивное серебряное кольцо старинной работы, с крупными камнями обсидиана. Не просто украшение. Оборона. Серебро такой чистоты и возраста жгло упырей как концентрированная серная кислота. Никто не рискнет к ней приблизиться без приглашения. Умно.

— Выглядишь как официант на похоронах, — оценила она мой костюм, выпуская струйку дыма в ночной воздух. — Галстук кривоват.

— Спасибо. Ты тоже ничего. Как королева на аудиенции.

— Я и есть королева, просто никто не догадывается. Идем. Я договорилась о встрече.

— С кем?

— С местным авторитетом. Зовут Маркус. Держит три гнезда в центре города и еще пару на юго-востоке. Формально нейтрален, неформально — его боятся даже те, кто старше его на сотню лет. Не Старый, но близко к тому. Если кто в этом городе и знает про Райнера — то он. И если он согласится говорить — считай, нам повезло.

Мы вошли в клуб. Внутри было темно, дымно и шумно. Дым стелился по полу, подсвеченный алыми и фиолетовыми прожекторами, как в дешевом хорроре. Играла музыка — что-то индустриальное, с тяжелым, вязким битом, от которого вибрировало в груди. На танцполе двигались тени. Буквально. Некоторые посетители не утруждали себя поддержанием человеческого облика и находились в полу-форме — размытые силуэты, удлинённые конечности, тени с глазами. Где-то слева мелькнули кожистые крылья — кто-то из младших ночниц решил покрасоваться. Где-то справа клацнули когти по барной стойке. В углу танцпола на мгновение вспыхнули красным чьи-то глаза.

Я машинально проверил пистолет под пиджаком. Лара перехватила мой жест и едва заметно покачала головой: не здесь.

Она провела меня через зал, сквозь толпу танцующих тел — некоторые из них были подозрительно холодными, когда я их задевал плечом. В задней части клуба находились отдельные кабинеты для частных встреч. У двери нужного кабинета стояли двое охранников — одинаковые, как близнецы, с бычьими шеями и пустыми глазами. Скорее всего, големы, а не люди. Они проверили нас на оружие. Мой пистолет нашли сразу — один из охранников молча протянул руку, требуя отдать. Лара что-то шепнула ему на ухо, показав перстень на пальце. Охранник замер на секунду, потом кивнул и отступил. Нас пропустили.

Маркус сидел в массивном кожаном кресле, обитом темно-бордовой кожей, которая когда-то, возможно, была чьей-то шкурой в буквальном смысле. Огромный мужчина с лысой, как бильярдный шар, головой и густой черной бородой. На вид — типичный вышибала из лихих девяностых. На самом деле — упырь с двухсотлетним стажем, обращенный еще при Николае Первом. Он курил толстую кубинскую сигару и смотрел на нас с плохо скрываемым раздражением, смешанным с любопытством.

— Ветров, — прогудел он низким голосом, в котором слышался рокот басовых струн. — Я слышал о тебе. Ты тот самый псих, который стрелял серебром в лоб Райнеру Венскому на Старой бойне.

— Слухи быстро расходятся, — я сел без приглашения. Лара осталась стоять у двери, скрестив руки.

— В нашем мире — да, быстрее, чем ты успеваешь вытащить пулю из ствола. Полгорода уже обсуждает. Ты либо очень смелый, либо очень глупый. Серебряная пуля в лоб Старому из Первого Круга — это же надо додуматься. Это как плевать в лицо Ниагарскому водопаду.

— У меня не было времени на переговоры. Он только что убил человека.

— Одного? — Маркус хмыкнул. — Одного человека? Да в этой Москве каждый день умирают сотни. Ты за каждым так гоняешься?

— Я гоняюсь за теми, кто убивает на моем участке.

— Участок, — он покатал слово на языке. — Ты говоришь как мент. Хотя... ты же и есть мент. Странный мент, который видит то, чего не видят другие, но все равно мент. Ладно. Зачем пришел?

Лара шагнула вперед, и Маркус перевел взгляд на нее. Что-то промелькнуло в его темных, почти черных глазах. Не уважение — до уважения было далеко. Скорее, профессиональная опаска. Лара была не простым человеком, и он это чувствовал каждой клеткой своего немертвого тела.

— Маркус, мы не за этим пришли, — сказала она спокойно, но в голосе звенела сталь. — Ты знаешь, зачем мы здесь. Не трать наше время и свое.

Маркус затянулся сигарой, выпустил густой клуб дыма в потолок.

— Знаю, — сказал он, глядя на тлеющий кончик сигары. — Вы ищете гнездо Райнера.

— И того, кто ему помогает, — добавил я. — Того, кто открыл ему дорогу в Москву.

В комнате повисла пауза. Где-то за стеной ухал бас — музыка в клубе сменилась на что-то еще более мрачное. Маркус докурил сигару, раздавил окурок в тяжелой хрустальной пепельнице и вздохнул. Тяжело, по-человечески. Хотя человеком он не был уже два столетия.

— Я не могу вам помочь, — сказал он наконец.

— Не можешь или не хочешь? — я подался вперед.

— Не хочу. Разница небольшая. Результат для вас один.

— Почему?

— Потому что Райнер — Первый Круг, — Маркус откинулся в кресле, и кожа жалобно скрипнула. — Если он узнает, что я сдал его гнездо, он придет за мной. И за моими людьми. За всеми, кто мне дорог. А я, знаете ли, люблю своих людей. Они мне как семья. И себя люблю тоже. Я не для того двести лет выживал среди дневных хищников, чтобы кончить свои дни из-за чужой войны.

— А если Райнер начнет войну, он убьет не только твоих людей, — сказала Лара, и ее голос стал тихим, почти интимным. — Он убьет всех. Включая тебя. И включая меня. Старые не разбирают, кто перед ними. Для них нет нейтральных, нет союзников, нет попутчиков. Для них все — еда. Или ты думаешь, что для него ты особенный? Что он пощадит твои гнезда, потому что ты ему симпатичен? Он улыбнется тебе так же ласково, как улыбался Ветрову на бойне, а потом выпьет тебя до дна вместе со всей твоей «семьей».

Маркус помрачнел. Желваки заиграли на скулах, пальцы сжали подлокотники кресла. Видно было, что эта мысль уже приходила ему в голову. И не раз.

— Мне нужно подумать, — сказал он, но голос уже был неуверенный.

— У нас нет времени думать, — отрезал я. — Каждую ночь он убивает. И будет убивать чаще. Ты знаешь это не хуже меня. Ты знаешь, как ведут себя Старые на новой территории. Сегодня один труп на Тверской, завтра три в Марьиной Роще, через неделю — десять в метро. А потом он начнет переманивать молодых из твоих гнезд. Они пойдут за ним. Молодые всегда идут за сильным.

Маркус долго молчал. В тишине было слышно, как вибрирует музыка за стеной и как скрипит кожа кресла под его пальцами. Потом он поднялся — грузно, медленно, как большой зверь, который не привык суетиться. Подошел к столу, выдвинул тяжелый дубовый ящик, порылся внутри. Достал сложенный вчетверо лист бумаги — обычной, слегка пожелтевшей.

— Это адрес, — сказал он, протягивая лист мне. — Заброшенная водонапорная башня за Третьим кольцом. Промзона, куда даже бомжи не суются. Там его дневное убежище. Днем он спит. Днем он уязвим. Днем у вас есть шанс — хотя бы теоретический.

Я взял лист. Бумага была холодной, словно из морозильника. Адрес был написан корявым, торопливым почерком — видно, что рука дрожала.

— И еще, — добавил Маркус, понизив голос почти до шепота. — Тот, кто ему помогает. Вы хотели знать — слушайте. Это кто-то из Инквизиции. Я не знаю имени, и лучше бы мне его никогда не узнать. Но знаю точно — это высокий чин. Очень высокий. Из тех, кто сидит в закрытых кабинетах и принимает решения, которые меняют судьбы. Так что будьте осторожны. Ваши собственные могут ударить в спину в самый неподходящий момент.

Он посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде читалось что-то похожее на мрачное уважение.

— И Ветров... — он помедлил. — Если выживешь после всего этого — заходи. Выпьем. Не кофе, а что-нибудь серьезное. Ты мне нравишься. Жалко будет, если тебя убьют.

— Договорились, — я убрал лист во внутренний карман, туда же, где лежал пистолет. — С меня выпивка.

Мы с Ларой вышли из клуба тем же путем — через танцпол, где все так же извивались тени под индустриальный рев. На улице было темно и холодно. Дождь кончился, но асфальт блестел в свете фонарей. Где-то далеко, за Садовым, выла сирена. Обычный московский звук, часть городского фона. Но сейчас он казался зловещим — будто предупреждал о чем-то.

— Завтра идем на штурм, — сказал я, глядя на огни Таганки.

— Дневная охота, — кивнула Лара, закуривая очередную сигарету. — Редкий случай. Упыри беспомощны днем, это всем известно. Солнечный свет для них — смерть.

— Если их не охраняют.

— А их будут охранять. Можешь не сомневаться. У такого, как Райнер, наверняка есть верные цепные псы, которые не боятся дневного света. Обращенные, полукровки, а может, и обычные люди за хорошую плату.

— Значит, нужен план.

— Будет план, — Лара выдохнула дым в темное небо. — Не переживай. У меня уже есть пара наработок. Завтра утром соберемся у меня, обсудим детали. Захвати свой ствол, захвати серебро и захвати мозги. Понадобятся все три пункта.

Она села в такси — черный «Мерседес» с тонированными стеклами, который материализовался из ниоткуда, — и уехала, оставив за собой только запах табачного дыма и дорогих духов.

Я остался стоять на тротуаре. В кармане лежал сложенный лист с адресом. В другом кармане — пистолет с серебряными пулями и двумя заговоренными патронами. На скуле ныл синяк. В боку стреляло при каждом вдохе.

Где-то в городе, в промзоне за Третьим кольцом, в заброшенной водонапорной башне, спал мертвым сном Райнер. Старый. Бессмертный. Уверенный в своей абсолютной неуязвимости. Он развлекался с Москвой, как кошка с мышью, считая, что никто не посмеет ему помешать.

Завтра в полдень я собирался доказать ему, что он ошибается.

Я поднял воротник плаща и пошел к метро. Ночь пахла бензином, прелой листвой и опасностью. Самой обычной московской ночью.

Глава 6.

Водонапорная башня стояла в промзоне за Третьим кольцом, как гнилой зуб в пасти старого великана.

Место было глухое, забытое и богом, и городскими властями. Зброшенные склады с выбитыми окнами тянулись вдоль разбитой дороги. Ржавые контейнеры громоздились друг на друге, образуя лабиринты, в которых можно было плутать часами. Битый кирпич и осколки стекла хрустели под ногами. Фонари здесь не горели — то ли местная шпана разбила плафоны из хулиганских побуждений, то ли коммунальщики просто забыли о существовании этого района. Светало. Небо на востоке наливалось серым, грязным, как разведенный технический спирт, — ни намека на розовый или золотой. Москва вообще редко балует красивыми рассветами.

Мы с Ларой сидели в моей машине, припаркованной за покосившимся ангаром, метрах в двухстах от башни. Двигатель я заглушил, чтобы не привлекать внимания. В салоне было холодно — печка не справлялась с ноябрьской сыростью. Я курил, стряхивая пепел в пустую банку из-под энергетика. Лара на пассажирском сиденье перебирала какие-то амулеты, висевшие у нее на поясе связками, как брелоки у школьницы. Крошечные мешочки с травами, серебряные фигурки, пузырьки из темного стекла. Ее пальцы двигались быстро и точно — сказывались десятилетия практики.

— Сколько их там? — спросил я, разглядывая башню в лобовое стекло. Кирпичная, приземистая, с ржавой винтовой лестницей, опоясывающей внешнюю стену. Окна-бойницы темнели, как пустые глазницы.

— По моим данным, от пяти до восьми, — ответила Лара, не отрываясь от своего занятия. — Молодые. Обращенные недавно, максимум несколько лет. Райнер их натаскивает.

— Как сторожевых псов?

— Как армию, — она наконец подняла глаза. — Ты до сих пор не понял? Он же не просто так в Москву приехал, Максик. Он строит гнездо. Полноценное, иерархическое, с жесткой структурой. А гнездо — это не десяток молодых, которых можно перебить за одну ночь. Это десятки, а потом и сотни упырей. Через месяц здесь будет не башня, а крепость. А через два — плацдарм для наступления.

Я затушил сигарету о край банки и начал проверять снаряжение. Пистолет — начищен, смазан, патронник чист. Запасные обоймы — три штуки, в каждой по девять серебряных пуль. Нож с серебряным лезвием в ножнах на бедре — старый, проверенный, с рукоятью из мореного дуба. Пара световых гранат — старая, почти забытая разработка Инквизиции, запрещенная к широкому применению из-за «негуманности». Они выжигали нежити глаза и на какое-то время полностью дезориентировали. Лара расщедрилась утром, выложив их на стол без особых комментариев.

Сама Лара была вооружена, на первый взгляд, странно. Деревянный посох с резными рунами по всей длине — некоторые горели тусклым синим светом. Пучки сушеных трав, перевязанные красной нитью. Пузырек с мутной жидкостью, которую она заткнула за пояс. Выглядело все это как реквизит для ролевой игры или антураж для гадания на Хэллоуин. Но я знал, что ее магия работает. Видел раньше. И никогда не хотел оказаться по ту сторону ее заклинаний.

— Идем, — сказала она, открывая дверь машины.

— План?

— Заходим тихо. Я глушу сенсорику — упыри не почувствуют нас, пока не увидят своими глазами. Если наткнемся на охрану, ты стреляешь, я прикрываю. Главное — попасть внутрь до того, как они поднимут тревогу и разбудят хозяина.

— А если уже подняли?

Лара поправила амулеты на поясе и мрачно усмехнулась:

— Тогда будет шумно. И, скорее всего, фатально.

Мы двинулись к башне. Гравий хрустел под ногами предательски громко. В утренней тишине, нарушаемой только далеким гулом просыпающегося города, каждый шаг звучал как выстрел. Я пожалел, что не надел кроссовки. Впрочем, если дойдет до драки, обувь будет последней проблемой в моей жизни.

У входа в башню, под ржавым козырьком, стояли двое. Молодые упыри. Выглядели как обычные студенты — джинсы с прорезами на коленях, дешевые толстовки с капюшонами. Один курил, пуская дым в серое небо, второй лениво листал что-то в телефоне, и экран подсвечивал его бледное лицо мертвенным синим светом. Со стороны — не отличить от обычных людей, подрабатывающих ночными сторожами. Только глаза выдавали — красноватые, с вертикальным зрачком, который то сжимался, то расширялся. И еще запах — от них несло сырым мясом и чем-то приторно-сладким, как от разлагающихся цветов.

Я вытащил нож. Серебряное лезвие тихо запело, покидая ножны.

Лара сделала пасс рукой — легкий, почти незаметный. Воздух вокруг упырей сгустился, став похожим на желе. Они замерли, как мухи в янтаре. Один застыл с сигаретой у губ, второй — с поднятым пальцем над экраном. Всего на пару секунд. Но мне хватило.

Два движения — быстрых, экономных, отработанных годами практики. Первый удар в основание черепа, второй — прямо в сердце. Серебро разъедало их плоть с тихим шипением, как кислота. Упыри не успели даже вскрикнуть. Их тела начали рассыпаться прямо в одежде, превращаясь в серый, мелкий прах. Через минуту на земле остались только две бесформенные кучки пыли, джинсы, толстовки и дымящийся окурок.

— Чисто, — сказал я, вытирая лезвие о штанину.

— Тихо, — поправила Лара, оглядываясь по сторонам. — Пока тихо. Но это ненадолго.

Мы вошли в башню через узкую железную дверь, которая скрипнула так, что эхо разнеслось по всей округе. Внутри было темно, хоть глаз выколи. Пахло плесенью, застоявшейся водой и чем-то еще — тем самым сладковатым, тошнотворным запахом, который я почувствовал на Старой бойне. Запахом Райнера. Он пропитал стены, как плесень пропитывает сырой подвал.

Первый этаж был пуст. Голые бетонные стены с потеками ржавчины, ржавая винтовая лестница, уходящая в темноту вверх, какие-то железные бочки, в которых, судя по запаху, когда-то хранили мазут. На потолке висела одинокая лампочка, но она не горела. Я включил фонарик.

— Слишком тихо, — прошептал я.

— Слишком, — согласилась Лара.

Мы двинулись к лестнице. Ступени стонали под каждым шагом. Воздух становился все плотнее и слаще.

На втором этаже нас ждали.

Их было четверо. Не молодняк, не вчерашние студенты в толстовках. Эти постарше. По моим прикидкам, лет по сто каждый, судя по тому, как густо вокруг них дрожал воздух и как холодно стало при нашем появлении. Они стояли полукругом, перегородив проход в дальнюю часть этажа. В руках — оружие. Не когти, не клыки — хотя когти у них тоже имелись, длинные, черные, загнутые. Настоящее оружие. Пистолеты. Тяжелые, армейского образца. Очень плохой знак. Упыри редко пользуются огнестрелом, предпочитая полагаться на свою сверхъестественную скорость и силу. Если они взялись за пистолеты — значит, ждали именно нас и готовились к серьезному бою.

— Пришли, — сказал один из них. Высокий, тощий, с выбритыми висками и татуировкой в виде змеи, обвивающей шею. Его голос был сухим и шелестящим, как осенние листья под ногами. — Райнер говорил, что вы будете. Говорил — ждите гостей.

— И что еще говорил Райнер? — спросил я, медленно опуская руку к кобуре.

— Что вы трупы. Просто еще не знаете об этом.

Они открыли огонь. Без предупреждения, без паузы. Просто подняли стволы и начали стрелять.

Я упал на пол плашмя и перекатился за ближайшую железную бочку. Пули застучали по бетону, выбивая крошку. Одна прошла в сантиметре от моего уха, и я на мгновение оглох. Лара вскинула посох, выкрикнула что-то на языке, которого я не знал, и перед нами вырос полупрозрачный щит, мерцающий синеватым светом. Пули вязли в нем, замедлялись, как в густом сиропе, и безвредно падали на пол.

— Долго не продержу! — крикнула она сквозь стиснутые зубы. — Щит слабеет с каждым попаданием!

Я высунулся из-за бочки и сделал четыре выстрела — быстро, на одном дыхании. Два в грудь первому, два в голову второму. Серебро вошло точно в цель. Упыри закричали — жутко, тонко, пронзительно, как летучие мыши. Такой крик нельзя спутать ни с чем: в нем смешались боль, ярость и ужас перед небытием. Их плоть начала дымиться, чернеть и осыпаться пеплом прямо на ходу.

Но двое остались. Тот, что с выбритыми висками, прыгнул. Не по-человечески — одним плавным, текучим движением он покрыл пять метров и приземлился прямо передо мной. Я даже не успел вскинуть пистолет.

Он ударил меня в грудь обеими ладонями, и я отлетел к стене, как тряпичная кукла. Спина встретилась с бетоном с уже знакомым тошнотворным хрустом. Второй раз за двое суток. Тело взвыло от боли. Перед глазами заплескали искры, а потом — красные круги, затягивающие сознание в темноту. Воздух вышибло из легких.

Лара что-то крикнула — я не разобрал слов, только интонацию. Ярость и отчаяние. А потом мир вспыхнул красным, и я провалился в беспамятство.

Когда я очнулся, Лара стояла надо мной. Ее лицо было бледным, на лбу блестели капельки пота, волосы выбились из пучка и висели мокрыми прядями. Посох в ее руках светился ярким синим огнем, и с него капала густая черная слизь, шипящая на бетонном полу. Четверо упырей лежали на полу — вернее, то, что от них осталось. Груды пепла, шмотья одежды, оплавленные гильзы. В воздухе висел запах горелой плоти и озона.

— Живой? — спросила она, тяжело дыша.

— Живой, — прохрипел я, хватаясь за стену и поднимаясь на ноги. Каждое движение отдавалось болью везде. — Вроде бы.

— Дальше будет хуже.

— Я знаю.

Мы пошли на третий этаж. Лестница скрипела и раскачивалась под ногами. Чем выше мы поднимались, тем сильнее становился сладковатый запах и тем тяжелее становился воздух — как будто он сам сопротивлялся нашему приближению.

Третий этаж оказался не этажом в привычном смысле, а огромным помещением во всю ширину башни. Здесь было гнездо.

Потолок терялся в темноте — фонарик не доставал. Стены и пол были затянуты паутиной, но не обычной, а какой-то черной, маслянистой, пульсирующей в такт невидимому сердцу. Она тянулась от стены к стене толстыми, в руку толщиной, жгутами. На полу в ряд лежали матрасы — десяток, не меньше. На них лежали люди. Живые. Мужчины, женщины, молодые, старые — вперемешку. Они были без сознания, но дышали — грудь поднималась и опускалась. К их рукам тянулись трубки, похожие на медицинские капельницы. Только жидкость в

них текла не прозрачная, а темно-красная, густая. Кровь. Она медленно сочилась по трубкам и исчезала в резервуаре в центре зала — огромной чаше из черного камня.

— Они доноры, — прошептала Лара, и в ее голосе впервые послышался настоящий ужас.
— Живые. Он не убивает их. Он держит их здесь и пьет понемногу. Как ферму.

— Или готовит что-то похуже, — сказал я, глядя на резервуар. Крови в нем было уже много. Очень много. Для чего одному упырю столько крови? Даже Старому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.